

В БОЙ ИДУТ ОДНИ ШТРАФНИКИ

Сергей
МИХЕЕНКОВ

Сергей Михеенков

В бой идут одни штрафники

«Яуза»

Михеенков С. Е.

В бой идут одни штрафники / С. Е. Михеенков — «Яуза»,

Июль 1943 года, Курская дуга. Остановив сокрушительный удар танковых клиньев Вермахта, измотав и обескровив немецкие войска в тяжелейших оборонительных боях, Красная Армия переходит в решающее наступление. Как обычно, первыми в бой бросают штрафников. Они обязаны «искупить вину кровью». Им предстоит любой ценой взломать вражескую оборону и проложить путь танковым и гвардейским частям, рвущимся на Запад. Они должны первыми выйти к Днепру. Но к тому моменту в строю штрафной роты останется лишь один из десяти... Новый роман от автора бестселлеров «Штрафная рота. Высота смертников», «Примкнуть штыки!» и «Иду на прорыв!». Беспощадная «окопная правда» Великой Отечественной.

© Михеенков С. Е.

© Яуза

Содержание

Вступление	5
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Михеенков

В бой идут одни штрафники

Памяти дочери Ксении

Весной мертвые почувствуют, что земля оживает.
Эрнест Хемингуэй

Вступление

Пуля калибра 7,92, выпущенная из ручного пулемета МГ-34, установленного на бруствере только что отрытого окопа, совершила движение по траектории, заданной техническими параметрами лучшего легкого пулемета Второй мировой войны и общими законами физики. Невысокого роста унтер-фельдфебель¹ с потрепанными нашивками на выдавшей виды шинели, свидетельствующими о его принадлежности к фузилерному полку одной из пехотных дивизий 4-й полевой армии вермахта, проводил трассер хмурым усталым взглядом.

Унтер-фельдфебель воевал в 4-й армии давно. В 1939 году он дрался в Данигском коридоре, успешно громил поляков, в 1940-м – под Дюнкерком поливал огнем из своего Schrapnel бегущих англичан и французов, упорно пытавшихся там закрепиться. Трассер, выпущенный из МГ-34, – зрелище, от которого густеет кровь. Ведь что такое трассер? Это не просто сияющий путь летящих в никуда пуль.

Трассер – это стая диких зверей. Несущихся в ночи голодных волков, готовых растерзать всякого, кто встретится на пути. Да, пули – это свирепые твари.

Иногда они возвращаются. Им плевать, кто перед ними. Чья каска поднимется над бруствером. Тем более что окопы везде одинаковы. А иногда противники ими меняются. То на несколько часов, то на сутки-двое, то вообще на месяцы. Поди разберись, где кто. Война. Мертвым не больно, а живые дрожат одинаково.

Возможно, сам того не замечая, он подумал вслух. В последнее время это с ним стало случаться часто. Потому что его тут же окликнул второй номер, фузилер² Бальк.

Этот парень пришел с недавним пополнением. Но не из тыла, откуда теперь, особенно после Сталинграда, присылали черт знает кого, а из госпиталей, после ранения, «фронтпригодными» выписывают недолечившихся. Кажется, толковый пулеметчик, способный в любую минуту заменить его возле Schrapnel. Главное, парень никогда не унывает, даже в самые мрачные дни, когда даже у него, Генриха Штарфе, ветерана полка, настроение паршивое.

Вот и сейчас этот недоучившийся студент переспросил его, наверняка не без умысла, втайне надеясь повеселиться над ним, своим непосредственным командиром. Хотя, конечно же, все прекрасно слышал. Но Штарфе, правду сказать, и сам был не прочь поболтать с Бальком, хотя бы и об этом. Не станешь же с этим сосунком разговаривать на любимую окопную тему – о женищинах. Нюхал ли он когда-нибудь в своей жизни такое существо? Да он наверняка боится их! Черт бы побрал эти вонючие окопы! Ни в Польше, ни во Франции такого не было. Там легко найти очень хороших. А здесь только разговоры о них. Невольно перестаешь думать даже о женищинах, в мыслях совершенно другое – как бы тебе в следующую минуту иваны не снесли голову. Восточный фронт... Не зря старик³ сказал им: «Забудьте

¹ Унтер-фельдфебель соответствовал званию старший сержант в РККА.

² Фузилер – рядовой стрелок.

³ Стариком в вермахте солдаты называли командира пехотной роты.

обо всем, что можно было позволить себе до перехода советской границы! Мы – в России!» Не все тогда усвоили последнюю фразу. Теперь Штарфе вспоминает ее все чаще. А многих, кто сегодня мог бы составить ему компанию, уже нет в живых. Да, старик оказался трижды прав – тут не до жещицин. Россия. Будь она трижды проклята!

– Я говорю о них, сынок. – И Штарфе кивнул в густую фиолетово-бурую темень, подсвеченную со стороны соседней роты догорающим сараем, который эти идиоты из Шестнадцатой гренадерской запалили час назад, хлестнув по соломенной крыше трассирующей очередью.

– Там ничего нет. – И Бальк, продолжая свою детскую игру, выглянул через бруствер, pokrutil головой, словно этот жест должен был подтвердить верность его слов.

Нашел ровесника, незло подумал Штарфе.

– Вон они, еще летят. Сейчас исчезнут. Туда им и дорога. Да убери ты свою недоучившуюся голову! – И Штарфе стукнул своим увесистым кулаком по каске Балька, которая все время крутилась под рукой, мешая унтер-фельдфебелю свернуть самокрутку. Делать кустарным способом сигарету из кусочка газеты и щепотки табака научили его русские военнопленные.

И когда уже спалил свою увесистую «торпеду» до половины, сказал спокойно:

– Я же тебе сказал, что они возвращаются. – И подумал, что с фузилером Бальком он зря поступает так грубо. Как будто с зеленым новичком. Как будто с каким-нибудь водителем трамвая или разносчиком хлеба из провинциального городка на западе Германии, где и говорят-то не по-немецки, а на каком-то чудовищном диалекте, что и понять ничего нельзя. Бальк, конечно, лет на семь-восемь моложе его и ни в Польше, ни во Франции пороку не нюхал. Как и тамошних жещицин. Сидел в своем университете на Рейне и зубрил всякую чушь. Правда, уже весной сорок второго он вовсю месил глину в окопах под Великими Луками. Так что, если даже подходить со всей строгостью, Бальк – солдат бывалый. Хоть на вид и мальчишка. Иметь такого вторым номером, если сказать честно, настоящая удача. И для унтер-фельдфебеля, и для всей роты.

Очередь, выпущенная Штарфе, была обычной дежурной, которую расчет скорострельного МГ посылал через предполье в сторону русских окопов каждые двадцать минут. Металлическую ленту, вставленную в приемник, шютице Бальк зарядил трассирующими пулями. Но не так, как кретины из соседней роты, которые спалили сеной сарай. Сено могло пригодиться в окопах. Не спать же на голой земле, пропитанной мочой. Иногда, в особенно тоскливые дни, унтер-фельдфебелю кажется, что, даже если случится чудо и они живыми выберутся из этого русского ада, земля под ногами, где бы он ни находился, всегда будет пахнуть как теперь. И это никакая не параноя. Это – реальность.

– Сынок, – наставлял второго номера Штарфе, – возьми ленту с обычными пулями, каждый четвертый патрон замени на трассирующий. Понял? Выполняй.

Зарядив ленту таким образом, всегда видишь, куда летят твои пули. Даже в самую непроглядную темень. А здесь, в России, ночи темные. При такой стрельбе противник не сразу сможет обнаружить твой окоп. А эти недоумки из Шестнадцатой гренадерской будто факелом размахивают из своей траншеи. Посмотрим, чем эта их забава кончится...

В поле к русским полетели три трассирующих, что означало, что Штарфе отправил довольно длинную очередь. И вот они, проделав свой путь, одна за другой стали исчезать в глубине русской ночи. Одна, другая. Но третья, вопреки законам механики, неожиданно взмыла вверх. Штарфе вначале показалось, что она просто отприкошетила. Мало ли что там русские набросали возле траншеи. Может, попала в камень. Может, в дерево. Там их порядком нарубило во время бомбежки, когда «штуки» обрабатывали передний край. Может, от каски какого-нибудь недоучившегося студента вроде его второго номера. Пуля дурака найдет, равнодушно вздохнул Штарфе и на всякий случай оглянулся в темный угол просторного окопа, где копошился Бальк. Тот устроивался на ночлег, возился под двумя шинелями, что-то шеп-

тал, видимо, уже во сне, может, молитву. Ну ладно, подумал он, хоть не будет маячить своей башкой над бруствером. Штарфе, хоть и ворчал на фузилера Балька, но все же знал: если что, тот его не бросит, как это иногда случается здесь, на Восточном фронте. На войне самое главное – верный товарищ, который всегда рядом. Завтра, после утреннего кофе, они начнут дальнейшее обустройство позиции. Отроют широкую нишу с узким входом, углубят ее и перекроют какими-нибудь досками или жердями. Что найдут. Сверху закидают землей и хорошенько замаскируют. Какое-никакое, а все же укрытие. В том числе и от комаров. Ночью от них спасу нет. Оборудовать позицию – дело привычное. Вот только Шестнадцатая сожгла сено.

А трассирующая пуля тем временем отделилась от фосфоресцирующей стаи, описала крутую траекторию в небе, опрокинула полет, снизилась и, едва не припадая к земле и сбивая набрякшие росой колосья луговой овсяницы, понеслась назад.

Глава первая

Младший лейтенант Воронцов в эту ночь не спал. Общая атака назначена на утро. А ночью предстояла еще одна операция – помочь разведгруппе перебраться через нейтральную полосу. Разведчики возвращались с той стороны.

Рота заняла исходную вечером, когда стемнело. Порядком потрепанный стрелковый батальон быстро снялся и по ходам сообщения исчез в тылу в душной июльской темени. Те, кого сменяют, всегда исчезают быстро, как фантомы. Будто это и не люди вовсе, не солдаты, навьюченные оружием и снаряжением, а бесплотные привидения. Оно и понятно – во второй эшелон, на отдых.

Воронцов распорядился, чтобы от каждого отделения выставили часовых. Остальным – отдыхать. Попытался уснуть и сам. В землянке стояла духота. За день она нагревалась так, что до утра, даже при распахнутой настежь двери, зной и духота плавали под низким бревенчатым потолком, пахло прелью, и запах казармы, который казался терпимым весной и осенью, а зимой родным и желанным, теперь стал невыносим. Воронцов прихватил шинель и прилег на ящиках в пулеметном окопе, подсунул под голову вещмешок, набитый сухой травой, и закрыл глаза. Но сон не шел. Какой там сон? Перед глазами стояли то глаза Зинаиды, то дворы родной деревни, то какая-то пыльная дорога, и вроде как знакомая, но и незнакомая одновременно. И куда она пылила, кто ж ее теперь узнает? Сон до конца он не досмотрел. Сон – не кино, где все связано, все причины и следствия, а потому понятно.

Воронцов достал из полевой сумки пачку треугольников, перевязанных шпагатом. Нашупал тугой узелок, размял его пальцем и развязал. Развернул дорогое письмо – он знал, что оно лежит вторым сверху, – и включил трофейный фонарик.

Здравствуй, Саша!

Пишут тебе твои Улита, Прокопий, Федор, Николай и Зинаида из деревни Прудки Андреенковского сельсовета.

Радость, которую мы тебе сообщаем, сейчас переживает вся наша деревня. В конце марта освободили нашу местность. А вскоре почтальон принес от тебя весточку. Как же мы были рады твоему письму, дорогой Сашенька! Ты и представить себе не можешь, что творилось в моей душе. Улита тоже как будто все понимает. Она трогала твое письмо и улыбалась. Я ей говорю: «Улюшка, это ж папка твой прислал тебе весточку». После этого она долго носила с собой твое письмо. Даже читать нам не давала. Я все боялась, что потеряет.

Прокоша, Федя и Колюшка прыгали от радости и теперь просят прочитать твое письмо еще и еще. Рады, что ты нас не забыл.

У нас все хорошо. Живем мы теперь в новом доме. Тятя с мужиками отстроил пятистенки на прежнем фундаменте. Правда, полы еще не настелили. Не до того. Но ничего, поживем и так. Тятю возили в райцентр несколько раз. Но разобрались и не тронули. Зла он никому не сделал. А партизанам помогал. Тятю опять избрали председателем колхоза. Вот сойдет последний снег, и начнем сеять. Мама сейчас тоже поправилась. Переживала за тятю, когда его забрали, и слегла. Но сейчас ничего, уже встает и хлопчет по дому.

Вернулись дядя Митя Степаненков и Федя Ивашкин. Оба инвалиды. А большие пока никто. Некоторые прислали письма. Пишут, что живы, здоровы

и воюют. Отыскались и некоторые, кто был в отряде. Дядя Карп, Иван Небогаткин. Они тоже воюют.

Пришло письмо от Иванка. Он воюет где-то рядом с тобой. Тетка Степанида зимой, еще до освобождения, получила от Шуры из Германии письмо. Так Иванок попросил ее адрес и написал, что обязательно дойдет до того города и вернет сестру домой. Из нашей деревни угнали в Германию двенадцать человек. Все – молодежь. И меня бы угнали, если бы в лес не ушла.

Улюшка растет. Крепенькая, веселая. Лицом вроде в тебя, а нрав веселый, материн. Ты другой, серьезный и молчаливый.

Бей врага, чтобы поскорее очистить от поганых нашу родную землю. Возвращайся здоровым и невредимым, наш родной, дорогой Сашенька! Хранишь ли мой подарок? Храни его. Это полотенце бабушка расшивала и с ним тятя на войну ходил, еще на ту, германскую. Тятя живой вернулся. Оно и тебя охранит.

В Прудки к нам недавно из военкомата приезжал на лошади незнакомый человек. Расспрашивал людей о тебе и об Иванке, о других, кто был в партизанском отряде. Погибших тоже всех записал. Даже ходил смотреть их могилы. Кого той зимой похоронили в лесу, всех перевезли на наше кладбище. Только с хутора никого переносить не стали. Заходил тот офицер и к нам, с отцом долго разговаривал. Расспрашивал про тебя.

Теперь я знаю твою полевую почту и, если ты мне разрешишь, буду писать почаще.

Шлют тебе привет Иван Степанович, тетка Васса, Тоня, Настюша, Анна Витальевна и все наши озерковские соседи. Все тебя поминают с добром. Благодарны тебе и твоим товарищам и вспоминают, как ты спасал нашу деревню от полицаяв и жандармов.

С поклоном Зинаида Петровна Бороницына.

Сердце колотилось. Зинаида писала письмо, конечно же, не одна. Петр Федорович подсказывал, что писать, а о чем и умолчать. Понял Воронцов и об «озерковских соседях». Значит, цел хутор и там покой и тишина. Достал второе письмо.

Дорогой наш братик Сашенька!

Пишут тебе твои сестры Варя и Клаша. Письмо тебе от нас ушло два дня назад. Писала его мама. А мы решили написать тебе отдельно. Потому что мама написала тебе не всю правду. На отца и Ваню мы получили извещения, что они без вести пропавшие. А недавно в Подлесное приезжал с фронта Петька Клестов. В октябре 1941 года он с нашим папкой и Иваном был вместе, в одной части. Он сказал, что многих тогда немцы захватили в плен. И вот мы теперь думаем: может, Ваня с папкой в плену где?

Клестов теперь офицер. На коне приезжал, при полной форме. Его часть стояла рядом с деревней.

Живем мы хорошо. Работаем в колхозе все лето до самой осени. Нам тоже записывают трудодни. Осенью пойдем в школу.

Скоро начнем косить. Трава нынче хорошая. Дедушка Евсей уже всем нам косы наладил. Живем, не голодаем. Корова кормит. Два раза немцы уводили нашу Лысеню. И оба раза мама приводила ее назад. Сказала, что детей нечем кормить, они и отдали. Офицер приказал.

И еще сообщаем тебе о том, о чем мама умолчала. Мама очень не хотела, чтобы ты расстраивался. Любу, невесту твою, немцы казнили. Она в

партизанском отряде была. Ходила по деревням, сведения собирала. Полиции ее поймали. Ее и еще двоих окруженцев из отряда повесили посреди Подлесного рядом с церковью.

Клаша и папку нашего, и Ваню во сне живыми видела. От тебя тоже два года вестей не было. А Клаша тебя во сне живым несколько раз видела. Вот и нашелся ты, братик наш Сашенька.

Воронцов не дочитал письмо, аккуратно свернул его и положил в общую стопку. То, что написано дальше, он уже знал наизусть. Значит, отец с Иваном пропали без вести. Без вести... Воронцов знал, кто относился к этой категории. Он и сам мог числиться среди пропавших. И на него могли прислать в Подлесное такое же извещение, как на отца и на Ивана. А Любка погибла. Нет больше Любы. Нет той девочки из его деревенской юности, пахнувшей речкой, пересушенным знойным сеном и сумерками шалаша. Война постепенно отнимает то дорогое, без чего жить будет тяжело.

В полночь на участке его взвода должна выйти разведгруппа. Ушла она прошлой ночью, когда здесь стоял стрелковый батальон. И вот теперь ее ждали назад. Встречать полковую разведку пришли два офицера из штаба полка: помощник начальника штаба по разведке старший лейтенант Белых и какой-то капитан. Старшего лейтенанта Воронцов знал. Белых часто бывал в роте. Несколько раз штрафники организовывали прикрытие входивших и выходивших групп. Сидели на нейтралке под минометным огнем, имитировали атаку, а тем временем на соседнем участке саперы резали проволоку и пропускали вперед разведчиков. Появление старшего лейтенанта, как правило, ничего хорошего не предвещало. Капитан же, судя по красному канту на погонах и артиллерийским эмблемам, был из пушкаррей. Правда, ни в своем дивизионе, ни в артполку, приданном дивизии, Воронцов его ни разу не видел.

Разведчик и артиллерист сидели в блиндаже и играли в карты. Ждали нужного часа. Воронцову приказали поднять взвод по тревоге. Не дай бог, разведчики на выходе завяжут бой. Тогда придется атаковать. Саперы уже сделали несколько проходов в минных полях и вернулись, оставив возле проволочных заграждений двоих человек – встречающих. Их прикрывал расчет дежурного пулемета. Барышев устроил «максим» под днищем сгоревшего немецкого танка. Танк стоял метрах в пятнадцати позади траншеи, на взгорочке, словно не осилил этот незначительный подъем. Сожгли его здесь давно, судя по рыжему налету ржавчины, обметавшей искореженные катки, недели две назад, еще до дождей. Бронелисты, защищавшие гусеницы, раздуло. Башню вывернуло, она съехала с погонов, завалившись набок, но вниз не упала, уперлась стволом в землю. Это был Т-IV: семидесятипятимиллиметровая пушка легко пробивала лобовую броню до ста миллиметров, и нашу «тридцатьчетверку» в поединке спасало только то, что броня на ней лежала наклонно. Даже гусеницы на новом немецком танке, как показалось Воронцову, были пошире.

Под этой зверюгой и отрыл окоп пулеметный расчет. И теперь Барышев, его второй номер Грачевский и подносчик Усов спали по очереди. На пулеметчиков в стрелковом взводе всегда особая надежда.

Воронцов перетянул письма льняным шпагатом и сунул в полевую сумку. Среди них было и от матери Степана. Его он никогда не перечитывал.

Немцы бросали осветительные ракеты. Угловатые тени скользили по брустверу траншеи, заползали в ячейки, озаряли бледные лица бойцов, оружие, сброшенные каски, ряды гранат и котелков в аккуратно вырезанных нишах. Бойцы в последнее время спали на открытом воздухе. Ночи стояли теплые. Земля нагрелась так, что хранила тепло до утра. Душных и сырых землянок избегали еще и потому, что в роте началась малярия. Весной насиделись в воде, намоклись в болотах, а потом, когда выбили немцев с высот и выбрались наконец на сухое, зарядили дожди.

Немецкий пулемет давал длинную очередь через каждые двадцать минут. Иногда мог задержаться. Но не надолго – пока горит ракета. Стоило ей погаснуть, как над минными полями, обрамленными двумя траншеями, Schpandeu начинал выводить торопливую, заученную трель. Пулеметчик, явно бывалый солдат, отстреливал примерно одинаковое количество патронов, но не всегда, отстрелявшись, выпускал из рук приклад МГ, иногда, выждав несколько секунд, он делал две-три повторных очереди. Пули уходили точно туда же, где несколько секунд назад исчезла основная очередь.

Воронцов впервые встретил такого пулеметчика. Немец, сидевший на той стороне, словно чувствовал что-то неладное. На войне такое бывает.

Вышли из землянки Белых с артиллеристом.

– Какая сволочь, – сказал тихо Белых, – дает повторную очередь. К такому не приноровичься.

– Да, – ответил ему капитан-артиллерист, – будто нарочно... Именно в эту ночь... Может, минометчиков попросить – по парочке мин на ствол?

– Не надо. Нашумим. Они там сразу все на бруствер высыпят. «Фонари» повесят. Пусть стреляет, гад. Ребята в группе опытные. Васинцев в этот раз сам повел. – Белых прислушался. – Дело хреновое. Будто чувствует.

– Или просто такой осторожный.

Воронцов слушал ночь, храп бойцов, разговор старшего лейтенанта и артиллериста, крик коростеля в низинке и думал вот о чем. На этом участке фронта, куда их две недели назад перевели, потом несколько раз перебрасывали с места на место, но в бой так и не вводили, явно что-то затевалось. Что-то большое, быть может, такое, что решит ход всех событий, на всех фронтах. И то, что не сегодня завтра произойдет, решительно изменит и их судьбы, и тысяч, десятков и сотен тысяч других солдат и офицеров, занявших позиции в окопах первой, второй и других линий, сосредоточенных в лесах, оврагах и деревушках ближнего тыла.

Изменится и судьба Саньки Воронцова, младшего лейтенанта и командира первого взвода отдельной штрафной роты.

Ракета истаяла над арматурой колючей проволоки. И тут же прогрехотала очередь. Воронцов знал пулемет этой конструкции, его технические параметры и боевые качества. Недавно у немцев появилась новая его модификация. Из него он тоже стрелял. МГ-42. Полегче и попроще своего предшественника МГ-34. Очередь снова не слишком длинная, но и не короткая. Двенадцать-тринадцать патронов. Трассирующие заряжены по схеме: одна через три-четыре. Так заряжал для ночной стрельбы и расчет Барышева. Всегда можешь понять, куда уходит твоя очередь, чтобы, если есть необходимость, тут же скорректировать или перенести огонь на другую цель.

И в это время офицеров, сидевших в соседнем окопчике и наблюдавших на передовой, будто взрывной волной смахнуло с бруствера.

– Тебя что, задело? – послышался испуганный голос Белых.

– Да нет, землей секануло...

– Как же не задело? Смотри, кровь...

– Где? На щеке? Вот гад.

– Давай санинструктора разбужу. Перевяжет.

– Брось. Чепуха. Сейчас перестанет.

Офицеры сдержанно засмеялись.

– Еще бы пару сантиметров и – ку-ку...

– Давай, зови их взводного. Пора. Пусть поднимает людей.

Воронцов не стал ждать, когда за ним придут или окликнут. Встал, скрипнув ящиками, застегнул пуговицы гимнастерки и, на ходу затягивая потуже ремень, пошел к офицерам.

– Поднимай своих гвардейцев, младший лейтенант, – сказал Белых, и в том, как старший лейтенант произнес это, Воронцову послышалась едва скрытая ирония.

Штрафников на передовой звали *гвардия наоборот*. Именно это и почувствовал Воронцов в тоне, каким ПНШ по разведке отдал приказ.

Воронцов окликнул часового. Тот подошел.

– Голиков, поднимай второе и третье отделения. И Сороковетова – ко мне, живо.

– Есть.

Через минуту солдаты стояли перед взводным в траншее и ждали его приказа.

– Товарищи бойцы, – начал Воронцов. – Слушай боевой приказ. С той стороны на нашем участке возвращается разведка. С минуты на минуту она будет здесь. Если противник ее обнаружит и завяжется бой, мы должны, имитируя атаку, подняться и дойти до рубежа немецкой линии проволочных заграждений. Назад поворачиваем по сигналу *зеленая ракета*. Раненых подбираем на обратном пути. В бой пойдем ограниченными силами. Второе отделение – ориентир водонапорная башня. Третье – ориентир угол леса.

– На пулемет?

– Да, Лыков, на пулемет. Вместе пойдем.

Обычно кто-нибудь из ватаги блатняков затевал пререкания, и унять их стоило немалых трудов. Но на этот раз прямой ответ Воронцова, похоже, отбил охоту спорить.

– Сороковетов! Емельянов! Тарченко! Ко мне!

Сороковетов получил три месяца штрафной роты за то, что ударил перед строем командира минометной роты, капитана. Невысокого роста, жилистый, как можжевельный сучок, взгляд с прищуром, он, казалось, смотрел на окружающий мир с некой опаской. С недоверием он отнесся и к тому, что взводный предложил ему быть минометчиком. Но потом привык и должность свою исполнял исправно.

Месяц назад, когда стояли еще под Жиздрой, рота атаковала одну деревушку, примыкавшую к железнодорожной станции. Первый взвод, обойдя с тыла окопавшихся среди домов немецких пехотинцев, в лесу неожиданно наскочил на минометную батарею. Штрафники с ходу сбили боевое охранение, забросали фашистов гранатами, оставшихся в живых добились штыками и саперными лопатками. Когда разбирали трофеи, обнаружили несколько совершенно исправных минометов и большой запас мин. После боя все минометы сдали на склад трофеев. Но один оставили. Из него они буквально через полчаса обстреливали немецкие окопы в окруженной со всех сторон деревне.

Три пулемета не давали штрафникам зацепиться за крайние дворы и риги. Бойцы залегли. Раненые отползали к лесу. Мертвые в помощи уже не нуждались. Капитан Солодовников метался по опушке леса, мотал над головой своим ТТ, угрожая залегшим штрафникам. Но поднять их невозможно было никакой силой.

И тогда Сороковетов, прищурившись в сторону деревни, сказал Воронцову:

– Я уделаю их, товарищ младший лейтенант. Мне надо три десятка мин и двоих хлопцев в подмогу. Остальное – дело техники.

Пулемет – оружие хорошее. Бывали случаи, когда один пулеметный расчет, занимающий выгодную позицию, держал роту. Чуть поднялись – хорошая очередь, и снова пять-шесть убитых, а остальные – носом в землю. Но у пулемета есть на войне страшный враг – миномет.

Немцы закрепились основательно. Пулеметные расчеты укрывались за стенками, выложенными из мешков, наполненных песком. С внешней стороны, для прочности и маскировки одновременно, обложили дерном. Настильным огнем такую крепость не возьмешь.

Миномет торопливо установили на опушке. Сороковетов сделал пару пристрелочных, и тут же заполучил в ответ длинную прицельную очередь. Одного из подносчиков сразу наповал.

Опустили миномет в лощину. На дне лощины, заросшей ивняком, пули не страшны. Пролетают высоко, шлепают в березовую кору, рубят ветви, словно до людей им и дела нет. С новой

позиции Сороковетов сделал еще пару пристрелочных. Капитан Солодовников рядом стоит, торопит минометчика. Тот выбрался на край лощины и говорит:

– Товарищ капитан, мне корректировщик нужен. Лучше из тех, кто понимает.

Передали по цепи:

– Кто воевал минометчиком, к командиру роты!

Пришли трое. Сороковетов с ними переговорил, двоих назначил подносчиками. Третьего послал наверх. Воронцов отдал тому свой бинокль. И вот хлопнул заряд, мина со свистом улетела в деревню. Корректировщик сделал поправку.

– Вилка! – кричит после второго выстрела. – Сыпани три беглым!

Ротный приподнялся, посмотрел в бинокль.

– Попал! – кричит. – А ну, давай теперь того, который слева!

Снова кинули три пристрелочных.

– Вилка! – подал голос корректировщик. – Полный залп!

Ротный радостно матерится, кричит Сороковетову:

– Ах ты, сукин ты сын! А молчал! Да твой капитан, выходит, и вправду дурак! Такого спеца из роты отпустил!

Третий пулеметный расчет, видя, что ему угрожает, стал отползать, менять позицию. Но штрафники уже поднялись, захватили несколько домов и начали продвигаться в середину деревни.

Сороковетов посмотрел на своего корректировщика и говорит ему:

– Кем был?

– Был сержантом гвардейской минометной роты Емельяновым, – представился новопривыкший штрафник. – Командиром расчета, наводчиком.

– А почему команды не по уставу подаешь?

– Да так получилось. Устав-то я похуже миномета знаю.

Емельянов под трибунал попал за дезертирство и драку с представителем гражданской власти. Личное дело Воронцов помнил. Оно его насторожило. Потом, однажды ночью, в окопе, когда Емельянов стоял на дежурстве, разговорился с ним. В апрельских боях сержант получил средней тяжести ранение в область бедра. Его отправили в Тулу, в тыловой госпиталь. Подлечился и получил направление в запасной полк. Перед отправкой из дома пришло письмо. Жена писала о житье-бытье. Деревню, где они жили, недавно освободили. Все разбито. Слава богу, изба осталась цела. Но хозяйство разграблено. Скот немцы порезали. С утра до ночи в поле. А тут председатель колхоза начал придирается по каждой мелочи. А вскоре прямо заявил, что, если она ему не уступит, житья не будет. И вот Емельянов, получив такое письмо, решил навеститься на родину. Дорога хоть и не прямая, но крюк до деревни Емельяновки оказался невеликим. Пришел домой, переночевал в родном доме. А наутро навестил председателя.

– И что обидно, товарищ младший лейтенант, – рассказывал Емельянов, – председатель-то – дядя мой родной. Вот сволочь! Ну и отвалил я его прямо там, в поле, перед бригадой. По-родственному. – И Емельянов покачал увесистым кулаком. – А вечером приехали участковый и капитан из военкомата...

– Что жена пишет?

– Отстал он от нее. Вдов теперь обхаживает. Это – пускай. Дело житейское.

– Значит, Емельянов, не зря ты из госпиталя до родной деревни кругался дал?

– Выходит, не зря.

И они рассмеялись. Хоть и горек был тот смех, а все же поговорили по душам.

Разных людей сбивала война в штрафные роты. Иногда с очередным пополнением приходили откровенные негодяи, которые и здесь пытались урвать свое, в том числе и ценой чужой жизни. Но такие на переднем крае, как правило, жили недолго. Лагерный закон: умри

ты сегодня, а я завтра, здесь не действовал. От смерти на войне солдата мог уберечь только верный товарищ, вовремя оказавшийся рядом, исправное оружие и толковый командир.

– Если что, тут же сообщи мне. Я на имя военкома письмо напишу, а батя подпишет.

– Спасибо, товарищ младший лейтенант.

Поговорил в ту ночь Воронцов с бойцом, а сам потом долго не мог уснуть. Как там дома, в Подлесном? Как Зинаида с детьми? Голодают небось. А тут как раз офицеры в полку начали посылать домой продовольственные аттестаты. Кто жене, кто матери, а кто невесте. Решил выслать довольствие и он. Но кому? В Подлесное? Матери, сестрам и деду Евсею? Или в Прудки? Зинаиде с Улюшкой и ребятами? Долго думал. Пошел во второй взвод, посоветоваться с Кондратием Герасимовичем. Тот выслушал его и сказал:

– А и у меня ж, Сашок, такая же загвоздка. Правда, мои Нелюбичи еще под немцем. Но рассуди так. Твои-то, в деревне, в своей хате живут? Не сожгли их. Корова есть. Огород есть. Проживут. А там – дочь. Родная кровинушка. И – сироты. Так что никакая мать не попрекнет тебя, если ты о родной дочери позаботишься. Ты же не девке на ветер аттестат шлешь. Вон, взводный Медведев, когда на станции ночевали, познакомился там с одной. И что ты думаешь? Вчера признался, что ей свой аттестат выслал. Ну не дурак! А она, говорят, и с немцами тут гуляла... – И вдруг Нелюбин спросил его: – Ты, Сашка, скажи мне следующее... Как товарищ товарищу. Ты к ней, к Зинаиде, собираешься вернуться?

– Да. Я ей обещал.

– А что обещал? За дочкой приехать? Или что?..

– Разговор был такой, что я за всеми приеду. Как же я, Кондратий Герасимович, Пелагеиных детей брошу? Она ж мне роднее родной была.

– Вот и молодец! Вот и правильно!

– Если только отец их не отыщется.

– Ну, отыщется, тогда другое дело. Тогда решите между собой, как быть.

– А что решать, дети-то – его. А Зинаиду с Улюшкой, жив буду, заберу. Это я тебе как фронтовому товарищу обещаю.

– Ну а чувство ты к ней имеешь? – допытывался Нелюбин. – Сердечное влечение? А? С такой женщиной, как Зинаида Петровна, истуканом по соседству не проживешь. Имей в виду. Тут, брат, взаимность надо иметь.

– Да что ж ты, Кондратий Герасимович, как свекор допытываешься! Говорю же – обещал. Нелюбин посмотрел на Воронцова и сказал:

– Мне-то ты не обещай. Ты себе зарок дай. Так-то. Я-то тебе, может, недолгий свидетель. Ненадежный.

И вот Сороковетов со своим расчетом стоял перед Воронцовым. Минометчики ждали, что скажет взводный.

– Видите, пулемет на той стороне?

– Вас понял, товарищ младший лейтенант, – тут же прищурился Сороковетов. – Емеля, сколько до него?

– Днем бы его увидеть... – отозвался Емельянов. А так – метров двести пятьдесят. Первую мину кинем, там и узнаем.

– Ну что, товарищ младший лейтенант? Будем стрелять? – прищурился в темень Сороковетов.

– Стрелять пока погодите. Может, разведка тихо пройдет. Готовьте миномет. И имейте в виду, что взвод двумя отделениями пойдет левее. Не заденьте своих. А то будет нам тогда – бессрочная служба в гвардейской штрафной...

Солдаты тут же кинулись в землянку, загремели пустыми коробками из-под мин, которыми маскировали нештатный миномет на случай проверки. Применять трофейное оружие во

время боя им позволялось. Многие имели немецкие пистолеты и даже автоматы. В ближнем бою они были удобнее и эффективнее длинных мосинских винтовок. И на это ротный смотрел сквозь пальцы. Но миномет во взводе – это было уже слишком. Тем более что минометный взвод, приданный отдельной штрафной роте еще в самом начале ее формирования, под Зайцевой горой, постоянно кочевал с ней с участка на участок и хорошо поддерживал в бою.

– Тише вы гремите своими железяками! – пристрожил командир второго отделения сержант Численко.

Разведгруппу вел лейтенант Васинцев. Значит, там, за нейтралкой, сейчас и Иванок. Вот почему к предстоящей операции Воронцов готовил людей с особой тщательностью. Кто поможет солдату на войне в трудную минуту, кроме верного товарища?

Ракеты взлетали над колями, опутанными колючкой, в прежнем ритме. Полувзвод штрафников, пулеметный и минометный расчеты ждали сигнала к открытию огня. Бойцы Сороковетова быстро установили трофейный восьмидесятимиллиметровый миномет, расширили саперными лопатами пространство вокруг плиты, подрезали угол траншеи. Подносчики принесли мины. Астахов и Тарченко протирали их тряпками и бережно укладывали в гранатный ящик. Сороковетов возился с прицелом и бормотал:

– Днем бы – другое дело... Хотя бы парочку кинуть... А ночью... Попробуй, сделай тут точную пристрелку. Тут никакая техника не поможет.

Остальные молчали. Они тоже не были уверены в том, что Сороковетов попадет. Все знали, что больше четырех-пяти мин немцы им выпустить не дадут. Тут же, по вспышкам, засекут позицию и откроют огонь из орудий, смешают с землей. Поэтому протерли всего пять мин, сложили их рядком и принялись натягивать над бруствером на длинных кольях плащ-палатку.

МГ простучал, как всегда, через мгновение после того, как истаял на границе леса и поймы хвост ракеты. Ему ответил несколькими короткими Барышев. И тут с той стороны в черное небо взлетело сразу несколько ракет. Они взлетали одна за другой и, зависая над углом будто наклонившегося над поймой леса, шире начали раздвигать пространство ночи.

Сороковетов сделал небольшую поправку, быстрым, экономным движением принял из рук Астахова продолговатое холодное тельце мины и замер. То мгновение, когда нужно будет разжать пальцы, чтобы снаряд ровно и беспрепятственно скользнул в трубу, не наступило.

Пуля облетела опушку леса, где исчезал ход сообщения, уводящий в тыл. По нему двигались двое – молоденький боец с винтовкой за плечом и термосом и средних лет старшина в растянутой гимнастерке. Старшина волок на плече мешок, в котором что-то приятно похрустывало и от которого исходил приятный запах тыла, регулярного довольствия и тишины.

– Товарищ старшина, а правда, что у немцев есть такие таблетки, от которых ни жрать, ни спать неохота?

– Таблетки? Да леший их маму знает. Может, и есть. На наших только вот это действует. – И старшина встряхнул канистрой, которую нес в другой руке.

– Товарищ старшина, а правда, что...

Пуля калибра 7,92 скользнула над обрезом невысокого бруствера и сорвала потную засаленную пилюлю со стриженной головы молодого бойца. Она легко, как скорлупу куриного яйца, пробила висок и вышла с другой стороны чуть ниже уха.

– Латышев, ты что? Ты ранен? Латышев...

Старшина дрожащими руками трогал голову бойца, машинально вытирал их о гимнастерку и снова трогал, еще не веря в то, что произошло.

– Как же это? Как же это, сынок?..

А пуля удалялась вдоль хода сообщения, скользнула над поперечным бруствером и, сияя маленькой кометой, помчалась через пойму в сторону проволочных заграждений. На бруст-

вере, навалившись на сырой песок, прикрытый пучками сухой травы и ветками ив, лежали два офицера и пристально смотрели в бинокли. Но они не заинтересовали ее. Там, в пойме, затевалось что-то более интересное. И вскоре она оказалась в пространстве, озаренном десятком осветительных ракет и вспышками выстрелов. Здесь уже шла стрельба, рвались гранаты, кричали на разных языках люди. Здесь было где разгуляться...

Глава вторая

Иванок полз впереди. Он подождал, когда погаснет ракета, и стволом винтовки поднял нижний ряд колючей проволоки. Колючка, на их удачу, оказалась натянутой слабо, и под нее тут же нырнул старшина Казанкин. Стали подтягиваться остальные.

Немецкий дежурный пулемет они обошли стороной. Пришлось идти через позицию противотанкового орудия, замаскированного в двадцати метрах от траншеи, в глубине оврага. Оно стояло на прямой наводке и контролировало танкоопасный участок поймы. Часового убрал ножом сержант Евланцев. Тихо подкрался и так же тихо положил на станину орудия дремавшего возле бруствера немца, *даже карабин не брякнул*. Такая поговорка была у сержанта Евланцева. Убитого часового тут же обыскали, забрали все, что оказалось в карманах. Прихватили даже противогаз и карабин. Дальше двинулись по ходу сообщения. Подождали, когда отстучит положенную очередь дежурный пулемет, выбрались за бруствер. Ползли осторожно. Впереди – Казанкин, опытный сапер. За ним, гуськом, интервал один шаг, остальная группа. Пулеметчик Юлдашев – замыкающий. На этот раз состав разведгруппы подобрался смешанный. Уже перед самым выходом в нее включили двоих лейтенантов – артиллериста и танкиста. Обе части, и артиллерийская и танковая, стояли где-то во втором эшелоне. И, как вскоре поняли разведчики, ради них-то и обшаривали они двое суток и передний край немцев, и ближний тыл: где что сосредоточено, куда ведут проселки, где замаскированы танки и сколько среди них тяжелых «тигров» и «пантер», где расположены позиции артиллерии и какого калибра, где склады боеприпасов, горючего и прочего. Все это лейтенанты наносили на карты и записывали в блокноты. Делал свое дело и лейтенант Васинцев. Он тоже вел записи, помечал на карте все, что могло помешать пехоте продвигаться по этому району и что наверняка заинтересует бату. Видимо, именно присутствие в группе лейтенантов, которых предстояло провести по передовой и по ближним тылам в глубину до десяти километров, а затем благополучно переправить назад, и избавило разведчиков от необходимости захвата «языка». Последнее обстоятельство позволяло им выходить налегке. Хотя Васинцев знал: немцы наверняка готовят крупную операцию, а потому, стараясь сократить до минимума утечку информации, особенно болезненно реагируют на любые действия разведки противника в ближнем тылу. Патрули на дорогах и на опушках. Часовые в деревнях даже днем. Одиночные дежурные мотоциклы с пулеметами на проселках. Жители прифронтовых деревень эвакуированы в районы дальнего тыла. И другое: склады боеприпасов формируются прямо в лесу, маскируются под примитивными навесами. Значит, недолго лежать здесь этим ящикам и контейнерам. Не сегодня завтра все пойдет в дело.

То ли немцы обнаружили убитого часового, то ли что-то заметил соседний наблюдатель, но в тот момент, когда под проволоку пролезли оба лейтенанта и на той стороне остались только пулеметчик Юлдашев, Васинцев и Иванок, со стороны леса начали торопливо взлетать одна за другой ракеты. Дурной знак. Пулеметная очередь, не соблюдая интервала, тут же хлестнула по колям, зазвенела, будто запутавшись в проволоке. Мгновенно всполошилась вся траншея. Послышались свистки и крики команд. Беспорядочно полетели в небо осветительные ракеты.

– Юлдашев, прикрой! – И Васинцев толкнул под проволоку Иванка, а сам, откатившись в сторону, начал стрелять из автомата короткими, экономными очередями в сторону немецкой траншеи – по вспышкам одиночных выстрелов, по угловатым теням, которые мелькали над бруствером, на голоса немцев.

Иванок твердо усвоил кодекс разведчика, который гласил, что нельзя, ни при каких обстоятельствах, бросать раненого или попавшего в беду товарища, что по возможности необходимо вытаскивать даже тело убитого, не оставлять противнику ничего. Оказавшись в насквозь простреливаемом коридоре между двумя рядами колючки, он огляделся и понял, что за проволокой остались двое – командир и Юлдашев. В нескольких шагах левее он увидел

воронку, одним броском заполз в нее и приготовил винтовку. Сердце бухало, расширялось в груди, так что казалось, вот-вот нечем станет дышать. Но уже через мгновение Иванок почувствовал, что нервное напряжение спало, руки перестали дрожать и настало время, когда он может стрелять, как всегда хладнокровно и точно.

Юлдашев палил в сторону траншеи, где слышался топот сапог и крики немцев. Ему помогал короткими прицельными очередями Васинцев. Стало понятно: долго продержаться они не смогут, слишком коротким было расстояние между ними и немецкими окопами.

– Уходим! Саид, уходим! – кричал лейтенант. – Иванок, прикрой!

Краем глаза Иванок заметил, как лейтенант и Юлдашев почти одновременно полезли под проволоку. Но все его внимание было сосредоточено на вспышках правее. Там работал пулемет. Его трассы, вначале слепые, хаотичные, теперь сосредоточились в секторе их коридора. Они-то и не давали его товарищам быстро миновать заграждения. Вскрикнул Юлдашев, захрипел, что-то забормотал по-узбекски, зло, как будто вдруг увидел прямо перед собой лицо врага. И Иванок, понимая, что теперь никто, кроме него, не поможет ни пулеметчику, который только что, видимо, получил ранение, ни командиру, взял в прицел неподвижную тень чуть выше пламегасителя и нажал на спуск – плавно, как учил Воронцов.

Иванок прижился в полку. И теперь во взводе конной разведки после боев в районе Варшавского шоссе он считался старожилом. Саид Юлдашев уже дважды побывал в госпитале. Полтора месяца отвалился в Калуге и лейтенант Васинцев. Не стало дяди Андрея Поливанова, Поликарпа Матвеевича, сержанта Гришина и ефрейтора Окладникова. Не вернулась, пропав где-то за Шатиным болотом, группа младшего лейтенанта Добрицкого: сам Добрицкий, старшина Епишин, Володька Сказочкин, радист Костя Звягин, подрывник Иван Иванович Тележкин. А еще сержант Певунов, Леша Забельский, Федька Кругов, Мамедхан Габбасов, умевший с пятнадцати шагов метнуть нож точно в цель, который никогда никому не давал в руки, Вадим Харитонов, стрелявший не хуже его, Иванка, Славик Горелов, Дима Астахов, двое Ивановых – Илья и Гриша, двое Смирновых – Владимир Иванович и Семен. Кого-то принесли в плащ-палатке, кто-то помер в госпитале. А кто-то пропал без вести. Неужели наступил и его черед? Кто потащит его тело к своей траншее? Васинцев? Лейтенант человек надежный, он и убитого вынесет, не бросит на нейтралке. Юлдашев? Саид ранен. Он не дотащит. На него надежда плохая. Вернется кто-нибудь из ребят? Неужели это конец и он, Иван Иванович Ермаченков, уже не дойдет до Германии? А кто же вызволит из неволи сестренку? Кто спасет Шуру? Мать получит на него похоронку, и что ей тогда делать? Как жить? Отца нет. Шуру в Германию угнали. А он здесь, на нейтралке, в воронке умрет? Он потрогал гимнастерку на груди – под тонкой хлопчатобумажной материей, в нагрудном кармане, хрустнуло письмо от матери. В нем был адрес того покуда еще далекого городка где-то на юго-западе Германии, до которого он обязательно должен добраться. Дойти. За Шурой. За всеми прудковскими. Нет, надо отсюда как-то выбираться.

Одно время действовал приказ: не посылать через линию фронта, в разведку, тех, у кого семьи находятся на оккупированной территории. Иванок под этот параграф не попадал. Но некоторые по месяцу парились в землянке, выполняя разные хозяйственные, не связанные с основной специальностью и унижительные для разведчика поручения. Других даже отчислили и направили обратно в роты. Правда, прошло немного времени, и почти всех из них вернули назад. Немного желающих находилось на вольные хлеба. В окопах знали, что взвод конной разведки воюет даже тогда, когда полк находится в глухой обороне, когда неделями молчит артиллерия, когда не появляются самолеты. Смотришь, ночью или на рассвете – пошли по нейтралке на ту сторону. Вернутся ли? А если бой, если батальоны пошли, то бегут в атаку вместе со всеми. Нет, у разведчиков, размышляли бывалые окопники, война куда тяжелее.

Иванок успел окончить полковые курсы снайперов. И с первых чисел июня, вот уже почти месяц, ходил вдоль передовой и постреливал из своей трофейной винтовки. Снайперскую не

дали. Сказали так: в разведке винтовка с хрупким и дорогостоящим оптическим прицелом ни к чему. А на сто шагов фрица и без оптики завалить можно. Что можно, то можно, Иванок и сам вскоре убедился в этом. Но оптический прицел ему бы не помешал. «Маузер» с цейссовской «трубой» был у Воронцова. Но он свою винтовку из рук не выпускал. Относился к ней так же, как Мамедхан к своему ножу.

Младшему лейтенанту Воронцову Иванок был благодарен уже за одно то, что тот помнил дружбу и время от времени брал его с собой на вольную охоту. Прицела у Иванка не было. И с этим он смирился. Не так-то просто раздобыть оптику. Вот начнется наступление, тогда, может, и повезет. Зато у него имелся хороший трофейный бинокль, тоже, между прочим, цейсовский.

Иванок выстрелил в сторону рокочущего пулемета еще раз и увидел, что шагах в пятидесяти, как раз напротив его цели, рванула мина. Стрелял батальонный миномет. И непохоже, чтобы немецкий. Хотя, судя по обстоятельствам, самое время немцам закидать разведчиков минами. Так погибла не одна группа – на выходе, под минометным огнем. Но на этот раз пристреливались явно не по ним. Если начали пристрелку наши, то мина упала с порядочным недолетом. Сделал он очередной выстрел или нет, Иванок так и не понял. Рядом шаркнула по проволоке и отпружила назад штоковая граната. Вторая проскочила между плотных рядов колючки и шлепнулась шагах в пяти от него. Взрывы подняли пыль. Иванку они никакого вреда не причинили. Когда пыль осела, он высунулся из-за гребня отвала и осмотрелся. Лейтенант возился под проволокой, тащил за ремень Юлдашева. А от траншеи к ним, что-то крича, бежали немцы. Иванок мгновенно понял, что надо делать. Он привстал на колено, на всякий случай передернул затвор. Это посреди воронки? Гильза опустошенным тельцем шаркнула по комьям сухой земли. Значит, он успел выстрелить, прежде чем разорвались гранаты. И то, что пулемет теперь молчит...

От траншеи к ним бежали трое немцев. Один прямо на них. Двое других охватывали Васинцева и Юлдашева с флангов. Лейтенант, похоже, тоже был ранен. Автомат его валялся в примятой траве без диска. Васинцев никак не мог справиться с проволокой и просунуть под нее раненого пулеметчика. Юлдашев пытался помочь, скрипел зубами, ругался по-узбекски и впустую загребал ногами.

– Стоять, иван! Halt! – кричали немцы.

Иванок взял в прицел того, что слева. Самый рослый, он и бежал быстрее других. На ходу перекидывая через голову ремень карабина, немец свободной рукой потянулся к кинжальному штыку, висевшему на ремне. «Фонари», повешенные над проволокой немецкими наблюдателями, настолько хорошо осветили пойму, что Иванок не хуже, чем днем, видел перед собой движущуюся цель. Выстрелил в середину корпуса. Он знал точно, что попал, хотя немец какое-то время продолжал бежать. Перезарядил и тут же выстрелил в бегущего справа. Тот, выронив винтовку с примкнутым штыком, опрокинулся в траву со всего размаху, телом обмякшим, как будто из него в одно мгновение выдернули позвоночник. Остался один. Но тот, видя, как быстро изменились обстоятельства, остановился и, пятась и приседая на колено, начал стрелять из карабина. Иванок прицелился ему в ногу и выстрелил. Немец выругался и осел в траву. Убивать его было нельзя. Иначе немцы откроют по ним огонь из всего, чем располагают. И тогда им конец. А так они даже гранату не бросят, остерегутся. Чтобы не убить своего.

Воспользовавшись короткой заминкой, Иванок выскочил из воронки, подполз к проволоке и вытащил за край одежды Юлдашева, ухватил его за капюшон камуфляжного комбинезона и с силой рванул на себя.

– Давай, Иванок, давай! – хрипел Васинцев.

– Ты что, командир, ранен?

– Не знаю. В ногу ударило. Кость, видимо, цела. Только слабость. Надо скорей. Нога немеет.

Они перехватили Юлдашева за ремень и волоком потащили вперед. Бежали по узкому коридору, отмеченному белыми флажками. Спасибо саперам.

Пробежали шагов двадцать. Справа, в неглубокой воронке, лежал Казанкин и стрелял из автомата короткими прицельными очередями. Старшина прикрывал их отход.

– Быстрее, ребята! Быстрее! – кричал он.

Здесь, во второй линии, проход в проволочных заграждениях был готов. Саперы все сделали заранее.

Снова из немецких окопов ударил пулемет. И тотчас несколько мин накрыли его, утопив позицию в пыли и копоти. Как можно ночью разглядеть пыль и копоть? А левее на нейтральную полосу вышла цепь стрелков. Они шли в сторону немецкой траншеи, стреляя из винтовок и автоматов.

– Штрафники пошли, – сказал старшина Казанкин. Он отстранил Иванка и лейтенанта, перекинул узбека через плечо и, пружинисто приседая под тяжестью ноши, побежал к траншее.

Стрельба заметно ослабела. Немцы переключились на участок, где наступали штрафники. Неожиданно возникшая угроза заставила их перегруппироваться на правый фланг. Именно туда обрушился весь ураган огня, который способна создать пехотная рота, усиленная минометами и противотанковыми орудиями.

Командир штрафной роты капитан Солодовников метался по опустевшей траншее и материл и Воронцова, и разведку, которая, как он и предполагал, оказалась неспособна даже на то, чтобы вернуться назад без стрельбы и лишних потерь, и саперов, которые не проделали дырку в немецкой колючке, и старшину роты, который, раззява, попал под обстрел, потерял человека и разлил с перепугу половину сутодачи спирта, чем поставил под угрозу успех предстоящей операции. В конце концов он подбежал к старшему лейтенанту и закричал:

– Белых! Черт бы вас побрал! С кем я теперь в бой пойду? Давай скорей ракету на отбой! Пусть возвращаются! Пока всех не перебили!

– Подожди, капитан, – стиснул зубы ПНШ. – Видишь, мои еще там. Я сам знаю, когда отбой давать!

Немецкие «фонари» теперь гирляндой висели над атакующим полувзводом штрафников. А немного правее выползала к траншее группа разведчиков. Передвигались разведчики медленно, тащили раненых.

– Белых, прошу тебя! Они ж сейчас на проволоку ползут! – Капитан Солодовников не отрывал взгляда от цепи штрафников, которые приближались к первой линии проволочных заграждений. Он вдруг увидел среди них, во второй цепи, высокую фигуру младшего лейтенанта Воронцова и крикнул первому попавшемуся ему на глаза человеку:

– Кто разрешал?! Кто разрешал Воронцову идти вместе со взводом?! Что смотришь, Сороковетов? Давай огня! Почему не подавлен пулемет? Огонь по пулемету!

– Товарищ старший лейтенант приказал прекратить огонь. Чтобы, говорят, своих не задеть, – виновато забормотал минометчик. – Да и немцы сейчас...

– Сороковетов! Огонь! Какие еще приказы?! Кто тут приказывает?!

– Капитан, прекратите истерику и отмените свой приказ! – закричал, соскочив с бруствера, старший лейтенант Белых. – Вы что, не понимаете, что на карту поставлена судьба дивизии? А может быть, даже корпуса!

– А я, Белых, в карты не играю! – хрипел капитан Солодовников. – Тем более на своих солдат! И хочу тебе напомнить, что здесь – траншея отдельной штрафной роты, а не землянка штаба полка! И здесь приказы отдаю я! А по чужим головам – как по камешкам через ручей... Это, знаешь!..

– Сейчас не атака, капитан, – пытаюсь сохранить спокойный тон, ответил разведчик. – Это во время атаки ты тут царь и бог.

– Не атака? А это что? Это что, я тебя спрашиваю! – Губы у Солодовникова тряслись, когда он указывал обеими руками в сторону атакующих штрафников. – Дай сюда ракетницу! – И он двинулся на старшего лейтенанта.

Но его тут же перехватили сзади чьи-то крепкие руки, сжали железным обручем, поволокли в глубину траншеи.

– Тихо, Андрей Ильич, – услышал он в затылок голос лейтенанта Гридякина. – Остынь.

– Черт с тобой, Солодовников, – сказал Белых и поднял вверх ракетницу. – О твоей дуруности докладывать не буду. Так и быть. Но впредь советую не путать офицеров оперативного отдела штаба полка со своим старшиной, который расплескал по траншее ротную водку, а теперь ты готов по этому поводу небо на землю обрушить.

Зеленая ракета ушла в небо.

– Все, Николай Иванович, отпусти руки, больше драться не полезу. – Капитан Солодовников расправил плечи, взглянул исподлобья на Белых и незнакомого офицера-артиллериста, повернулся и пошел туда, откуда несколько минут назад поднимались в атаку штрафники.

Уговор со старшим лейтенантом у Солодовникова был вот какой: встретить разведгруппу, если возникнут трудности, вытащить их даже из-под огня. Но атаковать на соседнем участке... Это уже самодеятельное сочинение Белых, как говорят, по ходу пьесы. На такое использование личного состава Солодовников никогда бы согласия не дал. А теперь выясняется, что вместе со штрафниками ушел и взводный. Хорошо, что не всех поднял. Хоть у этого голова на плечах осталась. Осталась... Где ж осталась? Полез, мальчишка, на проволоку...

Штрафники залегли возле самой проволоки. И теперь, дождавшись сигнальной ракеты, начали отход.

Из траншеи часто лупил нештатный миномет. Сороковетов, молодец, не ослушался, добросовестно выполняет его приказ. И Солодовников подумал, что давно пора бы подать на него положительную репликацию, чтобы снять с парня судимость. Пусть идет в полк, в любую роту. Или назад, к минометчикам. Если его там примут. А чего такого умельца не принять? Драться он больше не посмеет. Но подумал и о том, что тяжело придется роте в бою без такой огневой поддержки. Так его Емельянов подменит. Подменить-то Емельянов подменит, стрелять и он сможет, только где взять такого наводчика?

Нелегко командовать штрафной ротой. Иногда численность его «шуры», как бойцы в шутку именовали штрафную роту, доходила до четырехсот человек: четыре взвода по четыре отделения, где в отделениях по пятнадцать человек да плюс к ним отделение бронебойщиков и пулеметные расчеты, пулеметный взвод станковых пулеметов «максим» и крупнокалиберных ДШК, хозяйственный взвод, писаря, подносчики, транспортно-гужевое отделение. Батальон! И Солодовников, весной получивший капитанские погоны, с замиранием сердца смотрел, как его воинство – лейтенанты впереди взводных колонн – шло к фронту, как следом тянулся обоз, до десятка повозок, в которых колыхались цинки с патронами, ящики с гранатами, свои и трофейные пулеметы, нештатный миномет с запасом мин, как дымили трубами две походные кухни – одна своя, а другая опять же трофейная, захваченная ротой под Жиздрой, в той деревушке, где впервые отличились минометчики. Но вечером или самое позднее на следующее утро на рассвете их бросали в бой штурмовать какую-нибудь очередную деревню, или высотку, или узел дорог, или железнодорожную станцию, и, когда спустя несколько часов после начала атаки их сменяла стрелковая часть, во взводах оставалось по двадцать-тридцать человек. Их, живых и невредимых, чудом обойденных пулей и осколком, отводили во второй эшелон. Мертвых хоронили трофейщики и специальные похоронные команды. Через неделю роту снова пополняли. Приходил новый приказ, и ОШР снова перебрасывали по фронту армии туда, где создавалась безнадёжная ситуация и ее нужно было срочно разрешить любыми средствами. Штрафная рота капитана Солодовникова в масштабах армии была универсальным средством для разгребания самых тяжелых завалов. Солодовников чувствовал свою востребованность и

власть, и это вдобавок к двойному денежному довольствию, допайку и выслуге один к шести прибавляло куражу, которого не хватало ему, с его постоянной жаждой действовать, лезть напролом, в обычной стрелковой роте. Весной, когда немцы, спрямляя линию фронта, отошли на линию Спас-Деменск – Людиново – Болхов и притихли, устраиваясь на новых позициях, их «шуру» перебросили с Варшавского шоссе под Жиздру. Вот тут-то Солодовников и получил и очередное воинское звание капитана, и второй орден Красной Звезды. Получил и письмо от сестры, в котором та по простоте душевной сообщала, что поселок их недавно освободили, дом цел, отец и мать живы, младших братьев сразу после освобождения призвали на фронт, и что жена его, Алевтина, ушла с немцами, и где она теперь и что с ней, неизвестно. Вот тебе и весточка с родины...

Родина Солодовникова – небольшой леспромхозовский поселок на границе Смоленской и Калининской областей. Немцев оттуда выбили весной, где-то в марте. Тогда же он и послал домой два письма: одно родителям, братьям и сестре, а другое Алевтине. Ответ пришел только один. Прочитал, и сердце чуть не лопнуло. Ну и сука же! Какая ж сука оказалась его Алевтина! Она и раньше, при нем, подгуливала. Жили вроде неплохо, в доме довольство, красивые вещи из военторга. Всю зарплату – на нее. Детей бог не дал. Когда полк выезжал в летние лагеря и гарнизон пустел, в военном городке начиналась женская скука и томление одинокой и скучающей плоти. Вот от этой самой скуки все и началось. А теперь вот докатилась и до звания немецкой подстилки. Солодовников знал эти истории, и не одну. Часто, отбивая у немцев деревни и заполучая их на сутки-двое в полное владение и распоряжение, он вынужден был разбираться в разных житейских дрязгах, совершенно не связанных с военными действиями. Люди шли к командиру Красной Армии, видя в нем законного представителя вернувшейся Советской власти. Кто жаловался на местного старосту, кто, наоборот, приходил хлопотать за него, что человек он хороший, зла никакого не сотворил, а был избран на эту должность всем деревенским миром, чтобы спасти их. Кто просил вернуть корову, которую забрали полицейские и продали за четверть самогона в соседнюю деревню. Кто – чтобы соседка вернула швейную машинку, которую у нее полицейские забрали при обыске да и презентовали за какие-то услуги соседке... За два года оккупации накапливалось много чего, в том числе и такого, что людям хотелось бы поскорее забыть и больше не вспоминать. Выплывали и любовные истории. Ну ладно – девки где-то сходили на танцы, поели немецкого шоколада... Но бабы? У которых мужья на фронте! Нет, этого сердце Андрея Ильича Солодовникова понять и простить не могло.

После спохватился: что ж это сестра так его подвела, в первом же письме, открытым текстом, да про такое... Если он стоит в Особом отделе на ПК⁴, то ему, считай, крышка, он уже пропал. Однако хладнокровие, никогда не покидавшее Солодовникова на передовой, и тут спасло его. В тот же день он отписал сестре, что рад, что все они живы и здоровы, что у него тоже все хорошо, бьет врага, командует ударной ротой, имеет боевые награды, а про Мальву пусть ему больше не пишет, пропала, мол, и пропала, живой буду, после войны другую заведу... Так и написал. Неделю ждал, что будет. Дня через четыре зашел в землянку лейтенант Гридякин. Посидел, в охотку чайку попил. Поговорили о том о сем. И, как бы между прочим, «особняк» его и спрашивает: «Что, Андрей Ильич, из дома пишут?» «Да вот, – отвечает он, – пишут, что все живы здоровы. Пограбили их немцы, но ничего, главное, все живы. Жалко только одного...» – И сделал паузу. Опытный офицер, командир роты, которая всегда на передке и почти не выходит из боя, он-то, как никто, знал цену паузы, которая иногда возникает во время драки: быстро осмотреться, сообразить, что у тебя на флангах и в центре, будет ли поддержка минометов и артиллерии, если надо, перегруппироваться на угрожаемый участок и обрушиться на противника с новой силой... «Чего же такого тебе жалко, Андрей Ильич?

⁴ ПК – негласный почтовый контроль. Проводился в РККА органами госбезопасности в отношении подозреваемых во враждебной деятельности.

Случилось что? Вижу, вроде вялый ты какой-то последнее время». – «Да нет, все нормально. Немцы, говорю, ограбили все. Было у меня до войны ружьецо хорошее, Тульского ружейного завода. Так они, когда пришли, приказали все огнестрельное оружие немедленно сдать. Отец испугался и сдал мою «тулку». А когда они уходили, собаку с собой забрали. Была у меня, Гридякин, хорошая сучка. Натасканная по крупному зверю. Породистая, ладная. Поджарая такая, чистоplotная. Если, к примеру, лося или кабана взяла, то не отпустит. Ну что тебе, Гридякин, бумажная твоя душа, рассказывать, ты ведь не охотник! Я ее по всем гарнизонам с собою таскал. Кому-то приглянулась...» Гридякин внимательно слушал ротного, покуривал «Герцеговину Флор». А тот сразу понял, что письмо его, которое он недавно отправил домой, внимательно прочитано. «Как ее звали? – спросил Гридякин. – Ну, кличка какая была, у сучки твоей?» «Мальва», – не моргнув глазом, ответил капитан. «Да, – кивнул Гридякин, тоже не подавая виду, – и кличка красивая. Видать, любил ты ее, свою сучку? А, Андрей Ильич?» – «Любил... – нахмурился Солодовников. – Не то слово».

Он действительно звал ее Мальвой. В ней, что и говорить, было много от этого цветка – стройность фигуры, грациозность движений... Потом молил бога, чтобы сестра в очередном письме чего-нибудь не ляпнула про Алевтину. Но следующие письма писал отец. Уж он-то сразу сообразил, получивши его ответ.

А Воронцов все же молодец, хоть и дурак. Солодовников внимательно следил за тем, как взводный отводит назад остатки группы. Задание выполнено. Разведчики в траншее. Теперь надо вылезти самим. Раненых тащили на шинелях и в плащ-палатках. Сзади двигалась группа прикрытия, постоянно ведя ружейно-пулеметный огонь. Вот только беда – на минное поле заскочили. То ли саперы не отметили коридор, то ли сами впопыхах не заметили линию флажков.

– А пожалуй, выведет! – И кивнул в сторону проволочных заграждений: – Смотри, что делает!

Рота вся до последнего писаря высыпала в траншею и наблюдала за маневром второго и третьего отделений первого взвода.

– Лейтенант у нас человек бывалый, выведет, – сказал помкомвзвода сержант Численко.

– А ты, Численко, откуда знаешь, что Воронцову лейтенанта присвоили? – спросил сержанта капитан Солодовников. – Связисты, что ль, сболтнули?

– Да нет, товарищ капитан, это я так, для краткости. Я его в бою всегда так называю, а то пока выговоришь...

Полувзвод возвращался. Живые волокли раненых. Раненые стонали и кричали. Некоторые, не скрывая радости, матерились. Для них этот бой стал последним в отдельной штрафной роте капитана Солодовникова. Сегодня же их отправят в тыл, в ближайший санбат или госпиталь, смотря по тяжести ранения. А завтра по инстанции из ротной канцелярии уйдет бумага о том, что боец такой-то в бою в районе такого-то населенного пункта проявил храбрость, смело атаковал в составе отделения, обеспечивая выход разведгруппы полка, получил ранение и заслуживает снятия судимости... Но, чтобы дожить и до госпиталя, и до положительной репрессии, нужно еще доползти до траншеи.

Пуля облетела фронт сражающихся сторон. При этом отметила, что заваруха началась хоть и яростная, но масштабы ее невелики. Что, пожалуй, через полчаса все закончится так же неожиданно, как и началось. Вначале она нырнула через линию заграждений, задев за столб, так что туго натянутая проволока загудела, задрезала гирляндами колючек, как вконец расстроенные струны музыкального инструмента. Послышался щелчок, похожий на звук, который происходит во время короткого замыкания электропроводки. Пуля немного изменила траекторию, снизилась, прошла вдоль самой земли, изредка задевая головки трав и корзинки соцветий, наполненные поздней росой. Одного короткого мгновения ей хватило,

чтобы оценить обстановку. Возле пулемета, установленного на треноге, стоял на коленях коренастый, с крепкими руками и свирепым лицом унтер-фельдфебель. Он прижимал к плечу короткий приклад МГ-34, и левая щека его тряслась вместе с каской, немного сползшей набок, а может, нарочно сдвинутой, чтобы не мешала вести огонь. Рядом, тоже стоя на коленях и втянув голову в плечи и, видимо, порядком оглохнув от стрельбы, находился его второй номер. Он двумя руками старательно придерживал металлическую ленту, которая ритмичными рывками поднималась из плоской коробки.

Унтер-фельдфебель Штарфе еще несколько минут назад, до начала заварухи, слышал какой-то странный звук. Похоже, загремела ловушка. Нервы в последнее время стали совсем ни к черту. Роту со дня на день обещали отвести на отдых. Но дни шли, ночные дежурства выматывали ничуть не меньше, чем бои, а они продолжали сидеть в окопах передней линии и нюхать переполненный сортир, устроенный в отводной ячейке неподалеку от позиции их Schrapnel.

Вечером, как всегда перед заступлением в наряд, он приказал фузилеру Бальку натянуть ловушки, которые они устроили в трех ходах сообщения, по которым можно подобраться к пулеметному окопу. После того как иваны утащили нескольких часовых и пулеметный расчет из Шестнадцатой, они придумали такую штуку: привязывали на уровне колен проволоку, на нее вешали пустые консервные банки. Утром «сигнализацию» убрали. Пока никто, кроме начальника штаба фузилерного батальона гауптмана Нейбаха, проверявшего посты, в их ловушку не попал. Гауптману Нейбаху их придумка понравилась, и он на следующее же утро приказал изготовить нечто подобное в окопах всего батальона и даже в тылах. Разведка иванов стала особенно дожимать по ночам. Почти каждую ночь в полку случалось ЧП: то часового украли, то в ближнем тылу на лесной дороге снесли голову мотоциклисту натянутой между деревьями проволокой, то кто-нибудь из бдительных фузилеров все же вовремя открывал огонь и оставлял возле проволоки несколько трупов иванов. Их притаскивали в траншею. Во-первых, чтобы не воняли. Во-вторых, чтобы осмотреть. В карманах у них, как правило, ничего, кроме кисетов с табаком, не находили. Оно и понятно – разведка. Обычно она активизируется перед наступлением. Но к прорыву фронта готовились и они. Новое грандиозное летнее наступление с целью смести наконец русских, сокрушить их оборону и двинуться дальше к Москве и Волге начнется вот-вот.

Фузилер Бальк уже вовсю, как говорят иваны, давил ухо. Скоро ему вставать. Самое опасное время – час до рассвета – Штарфе решил бодрствовать. Иногда, когда гасла очередная ракета, после длинной очереди он делал пару коротких, простреливая пространство между двумя рядами проволочных заграждений. Сон ходил вокруг, но не приближался и на шаг. Штарфе знал, как держать его на расстоянии. Если хочешь выжить, не спи. И когда сразу несколько ракет зависли над проволочными заграждениями и Штарфе отчетливо увидел двигающиеся под самой колючкой тени, он тут же бросился к своему верному Schrapnel, развернул его немного правее, рывкнул второму номеру: «К оружию, Бальк! Иваны!» – и, не дожидаясь, когда тот продерет глаза, начал вести огонь. И, похоже, одного из них сразу подстрелил, потому что увидел, как трассер прошел вдоль нижнего ряда колючей проволоки и крайняя тень, будто ужасенная, отпрянула в сторону. Когда стреляешь с близкого расстояния, всегда можно почувствовать, попал в цель или пули прошли мимо.

Тем временем из блиндажей начали выскакивать фузилеры. Серый в свете ракет поток стремительно заполнил свободные ячейки. Послышался голос старика. Он находился где-то рядом, поторапливал тех, кто замешкался. Командир фузилерной роты гауптман Фитц, старый вояка, всегда находился рядом с ними. И награды, и оплеухи он раздавал собственноручно. Услышав его рычание, вскочил шютце Бальк, продрал глаза и кинулся к пулемету. Теперь Штарфе не боялся, что ленту захлестнет и деформированный при этом патрон уткнется в патронник с перекосом, так что его придется вытаскивать штыком. Такая

заминка всегда опасна. Особенно в ситуации, когда иваны совсем рядом. Когда они могут забросать расчет гранатами или, хуже того, броситься врукопашную.

Пуля на долю мгновения зависла над бруствером, будто выбирая, кого избавить от работы, которая неожиданно выпала на долю этих двоих в угловатых касках вермахта с серебристым орлом на боку, и скользнула впритирку с козырьком одной из них.

Унтер-фельдфебель Штарфе не почувствовал ни боли, ни сожаления по поводу того, что его война на Восточном фронте закончилась так неожиданно. Фузилер Бальк внимательно следил за тем, чтобы лента шла ровно. Патроны скользили с ладони в приемник, и стремительная, почти непрерывная трасса уходила в сторону нейтральной полосы, где в панике копошились застигнутые врасплох русские. Судя по камуфляжным накидкам и капюшонам иванов, Штарфе прихватил их разведку. Гильзы, словно ненужная полова, со звоном вылетали вправо. Все шло как надо. Schrandeu работал за целую роту. Балька это восхищало. И он не заметил, что произошло с его первым номером. Тот, словно ослепнув, вдруг начал задирать трассу вверх, а потом уткнулся каской в дырчатый кожух пулемета и затих. Замолчал и Schrandeu. Каска унтер-фельдфебеля Штарфе на затылке зияла пробоиной, куда можно было просунуть палец. Отверстие на выходе было огромным, как от крупнокалиберной пули. А по шее убитого вниз выползала бурая масса, совсем непохожая на кровь.

– Штарфе? Что с ним? Убит? – Голос командира роты Фитца привел фузилера Балька в себя.

– Убит, герр гауптман.

– Умеешь стрелять? – Гауптман Фитц указал на пулемет.

– Так точно, герр гауптман.

– Быстро! В сторону! Бери его за ноги!

Они оттащили в угол окопа тело унтер-фельдфебеля Штарфе. Странно выглядел мертвый первый номер. Унтер-фельдфебель Штарфе сам всегда помогал всем. Даже там, где могли обойтись без него. Такой он человек. Вернее, солдат. На таких держался вермахт и приказы фюрера и генералов. Подгонял ленивых. А теперь, в одно мгновение, он превратился в тряпичное тело, которое даже возле Schrandeu стало вдруг ненужной обузой.

– К пулемету! – скомандовал ротный и кинулся к патронным коробкам. – Я у тебя буду вторым номером! Огонь, шютце Бальк! Огонь! Море огня, сынок!

Пуля, легко проломившись сквозь каску унтер-фельдфебеля Штарфе, вырвалась на простор, описала дугу, порыскала вдоль опушки, освещенной немецкими «фонарями», увидела, как один из стрелков вылез на бруствер и слишком высоко задрал голову, пытаясь получше рассмотреть, что же там происходит у соседей. Она ударила его в грудь, вышла под лопаткой, перебила кольцо портупеи и полетела дальше. Ей вдруг тоже захотелось посмотреть, что же происходит там, куда пристально смотрела вся рота и куда стрелял второй взвод. Пуля снова прижалась к земле и помчалась к проволочным заграждениям. Пронеслась над воронкой, из которой стрелял молодой солдат в камуфляже. Она даже не оглянулась на него. Туда, где больше людей! Она пробила плечо бегущего со стороны русской траншеи, тут же вонзилась в переносицу другого. Развернулась, ударила еще одного. Скользнула над пилоткой младшего лейтенанта. Где-то она его уже видела. Обычное русское лицо. Таких много в рядах наступающих с востока. Пуля пронзила тела еще нескольких русских солдат и снова вернулась к траншее на противоположной стороне. Там увидела бегущих к проволочным заграждениям солдат в серо-зеленых френчах...

Глава третья

На рассвете, когда рота, поделив остатки спирта, изготовилась, чтобы по команде Солодовникова выскочить на бруствер и попытать свое счастье на нейтральной полосе, а потом, если повезет, и в немецких окопах, поступил приказ об отмене атаки.

В первый взвод пришел посыльный, разыскал Воронцова и передал приказ ротного срочно прибыть на наблюдательный пункт, и сам собирался идти к Солодовникову, чтобы получить разрешение на похороны погибших ночью.

Убитых было семеро. Два казаха, танкист, бывший повар из полковой роты связи и трое уголовников, прибывших из московской пересыльной тюрьмы с отсрочкой приговора. Все из последнего пополнения. Воронцов даже не успел запомнить их лиц и фамилий.

На фронте нельзя привыкать ни к чему. Даже к оружию. Сегодня оно у тебя одно, завтра – другое.

На НП собрались все командиры взводов. Ротный окинул их взглядом, поставил задачу: день стоим в обороне, вечером, как только стемнеет, придет смена; отходить в тыл четверьмя потоками к лесу, построиться повзводно и – до пункта назначения, о котором будет сообщено на марше дополнительно. Потом вдруг сказал:

– Младший лейтенант Воронцов, у тебя фляжка с собой?

– Так точно.

– А что в ней? Вода или что-нибудь неуставное?

– Вода, товарищ капитан. Свежая. Ночью бойцы из родника принесли.

– Так, о роднике. – Ротный снова нахмурился. – Всем зарубить себе на носу: категорически запрещаю ходить туда днем и в любое светлое время суток. Там работает снайпер. Нелюбин, это твой участок?

– Так точно, мой. За два дня – двое убитых, трое раненых.

– Слышали? Так он нам половину роты выбьет. Без боя. – И без всякого перехода: – А тебе, Воронцов, выражаю благодарность за ночной бой и поздравляю с присвоением очередного воинского звания – лейтенант! За что и выпить положено. А у тебя во фляжке – вода...

В землянке на мгновение воцарилась тишина. И только ротный, довольный тем, какой эффект произвела его короткая и внезапная речь, поскрипывал новенькими сапогами и выжидающе смотрел на лейтенантов.

– Да ради такого случая и покрепче что-нибудь найдется! – тут же зашумели лейтенанты.

Нелюбин, получивший вторую звездочку еще в мае, первым обнял Воронцова. Капитан подождал, когда наполнят стаканы, опустил в один из них зеленые лейтенантские звездочки полевых погон, достал бумаги, прочитал выписку из приказа о присвоении очередного воинского звания. Потом еще – о награждении Воронцова сразу двумя боевыми наградами. Тот слушал слова ротного, и в голове все начало путаться. Показалось, что его разыгрывают, что сейчас все рассмеются и начнут хлопать по плечу, как распоследнего ваньку... Видимо, ротному просто захотелось найти повод выпить с лейтенантами, пока позволяют обстоятельства. Приказ о присвоении звания, может, и правда, а все остальное... Хотя Воронцов знал, что наградной лист в штаб дивизии ушел давно. Но все уже получили свои медали, кто «За отвагу», кто «За боевые заслуги», а его документы где-то застряли. Ротный написал представление после первого же боя, когда его третий взвод отличился во время атаки на Зайцеву гору, когда они сожгли танк и отбили три контратаки.

Капитан Солодовников вытащил из стола две коробочки. В одной лежала новенькая медаль «За отвагу», в другой такой же опрятный, отсвечивающий глянцем рубиновой эмали орден Красной Звезды. Взял обе награды, опустил их в наполненный стакан и протянул Воронцову. И только когда Воронцов выпил водку и обступившие товарищи схватили его за плечи,

за голову и начали выливать в рот все, что еще оставалось в стакане, вот тогда он понял, что наконец наступил тот день, когда он, Санька Воронцов, стал не просто офицером Красной Армии, а получил очередное воинское звание, что Родина не забыла и что настоящими боевыми наградами, имеющими соответствующие номерные знаки и удостоверения со всеми печатями и подписями, отмечены не только его личная храбрость, но и умение управлять введенным ему подразделением в условиях боя.

– Ну что, мои верные окопники! – Ротный обвел сияющим взглядом лейтенантов. – Выпьем! Хвать его в душу!

Выпили. Потянулись к банкам с американской тушенкой, тут же неизвестно откуда появившейся на столе, к рыбным консервам. Заговорили, засмеялись, наперебой поздравляя Воронцова.

– Прокальвай дырку, Воронцов! Боевые награды носить надо!

– Давай, давай, Сашка, вешай свои медали, – толкнул его Нелюбин. – Я свою уже почти износил. – И он указал на потертую, с погнутыми уголками узкой, старого, довоенного образца, колодки «За отвагу», полученную им давно, еще за московские бои.

Воронцов привинтил орден, потом над другим карманом гимнастерки приколот медаль и почувствовал, что слезы заполняют глаза и душат, тугой внезапной волной перехватывая горло. Нет-нет, только не это. Кто-то подал стакан. Он тут же выпил, чтобы подавить слабость.

– Ешь, Сашок, ешь, а то свалишься, – слышал он рядом заботливый голос Нелюбина.

Днем Воронцов отобрал десятерых бойцов и приказал им выносить тела убитых во время ночной вылазки. Бойцы сколотили из жердей трое носилок, взяли у артиллеристов большие саперные лопаты и принялись копать яму.

Воронцов сам выбрал место. На березовой опушке, на краю небольшого лесного поля, уходящего в тыл. На просторной луговине, где гуляет ветер и гнет до земли волны лугового ковыля и овсяницы. До того, как они принесли сюда первых убитых, здесь пахло медом, как пахнет всегда июльское разнотравье.

– Вот тут пусть и лежат. Хорошее место, – сказал Воронцов. Он посмотрел на помкомвзвода Численко, взял у него из рук лопату и разметил прямоугольник. – Давайте, ребята. Вот для них – последняя трассировка. Времени у нас один час. Надо успеть.

Тела убитых складывали на земле возле березы, в теньке. Их уже начинало разносить. И тяжелый смрад потянуло ветерком в поле.

– Быстрее надо, товарищ лейтенант. – Численко разделся до пояса, выкидывал рыхлый песчаный грунт на край ямы. – Вон, мухота уже в ноздри полезла.

Вместе с последними носилками пришли четверо человек. Воронцов знал их – полковая похоронная команда. Вел их пожилой сержант. Увидев лейтенанта, сержант козырнул и сказал равнодушным тоном:

– Мы бы и сами справились, товарищ лейтенант.

– Ничего, сержант. Это наши товарищи. Можете быть свободны. Схему географического расположения могилы тоже составлю и передам по команде. – Воронцов махнул рукой и снова принялся за лопату.

Сержант равнодушно посмотрел по сторонам, но уходить не собирался. Трое бойцов тоже выжидающе стояли поодаль, курили, опершись на лопаты.

– Мне надо бумагу составить. По форме два-БП и другую, по форме девять-БП. – Сержант продолжал смотреть в поле скучающим взглядом.

– Я же сказал, список безвозвратных потерь уже составлен. А привязку сделаю как положено. Начальству можешь доложить, что взвод своих хоронит сам.

Но сержант как вкопанный продолжал стоять перед Воронцовым:

– Приказано одежду с убитых снять. Для повторного использования. Обувь тоже... – Сержант кивнул на тела, сложенные под березой.

– Кем? Где приказ?

Воронцов понимал, что приказ о том, чтобы с убитых снимать одежду и обувь, которую еще можно использовать для экипировки тех же штрафников, мог существовать. Его запросто мог отдать начальник команды погребения полка. Или кто-нибудь из интендантов высокого ранга. Но письменного приказа у сержанта наверняка нет. Это ж кем надо быть, чтобы перенести такое на бумагу... Какими словами писать и как его озаглавить?

– У меня – приказ, – упорствовал сержант.

– А чего ж ты его вовремя не выполнил? Ночью надо было убитых таскать. А вы сейчас, на готовое... – Сержант Численко вылез из ямы, отряхнул гимнастерку и натянул ее на потное тело.

– Я с лейтенантом разговариваю, – с тем же равнодушием произнес сержант, не глядя на Численко. Надо отдать должное его выдержке, держался он уверенно.

– Ты, сержант, иди-ка отсюда. Подобру-поздорову. – Воронцов поправил под ремнем гимнастерку. – Иди, иди. Забирай своих орлов. Личные вещи мы тоже сами вышлем родным. А сейчас мы должны товарищей похоронить. Обирать мертвых, погибших за Родину, я не позволю. – И Воронцов передвинул тяжелую потертую кобуру ТТ вперед.

Сержант усмехнулся и, прежде чем уйти, сказал на прощание:

– Ты, лейтенант, в бою, может, и царь и бог, но видишь, чем кончается... – И кивнул под березу.

И тут чуть не вспыхнула драка. Штрафники обступили похоронную команду. Оскалились, ожидая последней команды, которая бы сорвала последние тормоза. А там пусть хоть под расстрел. Но лейтенант сказал:

– Отставить. Не будем портить поминный час. Он и так короток.

И похоронную команду отпустили.

Убитых сложили в один ряд, плотно подсунули друг к другу. И начали закапывать. Только когда насыпали холмик, заговорили и впервые посмотрели друг другу в глаза. На могиле поставили заготовленную заранее пирамидку, вытесанную из досок. Прибили звездочку, из консервной банки. Стали кружком. Достали фляжки, кружки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания